

— Видишь? — Фэн Чжоу указал куда-то вперёд и понизил голос. — Там сигаретные огоньки мерцают.

В беспросветной, глухой темноте и впрямь едва заметно тлели несколько оранжево-красных точек, похожих на болотные блуждающие огни.

Фэн Чжоу переглянулся с Юй Шаочунем. Интуиция подсказывала, что компания впереди собралась далеко не благообразная. Парни решили не искушать судьбу и тихонько попятиться назад, надеясь незаметно выбраться из переулка и подыскать другой способ добраться до дома.

В этих заброшенных трущобах, где годами ютились упрямые «гвозди» — жилыцы, наотрез отказавшиеся от расселения, — о чистоте никто и не слышал. Дорога была усыпана огрызками, шелухой и гнилыми фруктами, так что каждый шаг напоминал прогулку по минному полю. И надо же было такому случиться: у самого выхода из проулка Юй Шаочунь умудрился наступить на яблочный огрызок. Потеряв равновесие, он в последний момент чудом уцепился за стену, но попутно увлек за собой ветхую деревянную этажерку, которую какой-то криворукий умник водрузил на каменную кладку.

Эта деревянная развалина, судя по всему, давно дышала на ладан. Не успев долететь до земли, она с треском развалилась на щепки, которые с оглушительным грохотом обрушились на ржавый мусорный бак. Звук вышел такой, словно парни решили оповестить о своем присутствии всю округу.

Юй Шаочунь вытаращил глаза:

— Да это, блядь, подстава чистой воды!

Размышлять о хрупкости уличного хлама времени не оставалось. Те подозрительные типы впереди услышали грохот, способный разбудить и мёртвого. Они неторопливо опустили сигареты и недружелюбно окликнули незваных гостей:

— Эй, кто там?

Отвечать было бы верхом глупости.

Юй Шаочунь и Фэн Чжоу, втянув головы в плечи, припустили к выходу. Из темноты донесся противный гнусавый голос:

— Слышь, ты, что ли, Юй Шаочунь? Стой, бля, не беги! Давай покалякаем по-пацански!

Услышав этот издевательский тон, оба мгновенно вспомнили Хань Шуня — школьного задиру, которому они знатно перешли дорогу пару дней назад. В голове у обоих синхронно щелкнуло: надо делать ноги.

Их стремительный старт буквально вдохнул жизнь в горы мусора, мирно покоившиеся на асфальте. Шелуха от семечек взвилась вихрем, плавно опускаясь обратно, словно разочарованная тем, что ей не удалось закружиться с беглецами в медленном танце. Огрызки груш со свистом взлетали в воздух, создавая дополнительную полосу препятствий для преследователей. А невесть откуда взявшиеся в этот прохладный сезон арбузные корки работали как ускорители в безумном раннере — стоило наступить на такую, и ты тут же отправлялся осваивать азы экстремального фигурного катания на голом асфальте.

В переулке поднялся невообразимый содом.

Когда спасительный проспект показался впереди, Юй Шаочунь немного сбавил темп, чтобы перевести дух. Он наивно полагал, что опасность миновала — в конце концов, эти отморозки не посмеют устроить махач прямо на глазах у прохожих.

Но парень явно переоценил моральный облик этой гопоты. Хань Шунь, судя по всему, наплевал на все риски и свидетелей. Он жаждал мести за публичное унижение и за тот строгий выговор с занесением, который схлопотал после того, как его поймали на списывании.

Это был настоящий суицидальный таран — сгореть самому, но утянуть врага на дно.

Юй Шаочунь на бегу повернул голову к задыхающемуся спутнику:

— Слышь, первый в параллели! Живой там еще? Бежать можешь?

Фэн Чжоу покраснелся как рак. Он хрипел, футболка взмокла от пота, казалось, парень вот-вот испарится от перегрева. Собрав остатки сил, он процедил сквозь зубы:

— Юй Шаочунь... у тебя язык... блядь, проклятый?! Накаркал!

— Да откуда я, сука, знал, что эти ублюдки караулить нас будут! — взревел Юй Шаочунь, не сбавляя бешеного темпа.

Фэн Чжоу казалось, что легкие сейчас разорвутся от боли, словно их проткнули тысячей иголок. Во рту появился отчетливый металлический привкус крови, а холодный воздух ранней осени обжигал носоглотку, будто туда вонзили лезвие бритвы.

Это был предел его физических возможностей.

Даже на школьной физкультуре, когда он ставил свой личный «рекорд» в пять с половиной минут на километровой дистанции, он так не выкладывался.

— Ты... ты... я... — только и смог выдать он.

Ноги Юй Шаочуня тоже налились свинцом, он бежал исключительно на чистом адреналине. Услышав сзади невнятный хрип, он обернулся и увидел, что Фэн Чжоу остановился, уперевшись руками в колени, и отчаянно ловил ртом воздух.

— Всё... не могу больше... — просипел тот. — Беги один... мне хреново...

— Какое «не могу»! — Юй Шаочунь мертвой хваткой вцепился в его запястье и поволок за собой. — Тебя же тут инвалидом сделают, придурок! Беги!

За следующим поворотом показались знакомые монументальные ворота школы № 8.

До официального закрытия оставалось минут десять. К счастью, дедушки-охранника нигде не было видно, что избавляло парней от лишних расспросов и, главное, от риска быть размазанными по асфальту прямо у порога родной школы.

Для беглецов эта распахнутая железная калитка стала единственным ориентиром во вселенной. Обычные школьные ворота манили их сейчас сильнее, чем золотое яблоко раздора олимпийских богинь из древнегреческих мифов.

Почуввав близость спасения, Юй Шаочунь чуть не разрыдался от облегчения. Он вцепился в руку Фэн Чжоу мертвой хваткой и, волоча его за собой, словно набитый песком мешок, предпринял последний финишный спурт. Фэн Чжоу, чье тело устроило тотальную забастовку всех органов и систем, согнулся пополам, симулируя тяжелую инвалидность, и безропотно позволил втащить себя на территорию школы.

Школьный стадион, который в обычные дни казался крошечным, сейчас раскинулся перед ними бескрайней пустыней — беги хоть триста лет, до горизонта не доберешься. С их черепашьей скоростью уйти вглубь учебного корпуса до того, как их настигнут, было нереально. Фэн Чжоу оглянулся: разъяренная свора отморозков уже влетала в пустые ворота.

— Где... тут можно... спрятаться? — хрипел он, едва шевеля губами. — Хоть на пару минут...

Спустя пять минут они уже сидели, вжавшись друг в друга, в тесном инвентарном шкафу школьной уборщицы. Перед глазами — облупившаяся железная дверца, густо пахнущая ржавчиной, за спиной — склад грязных веников и швабр. Местные тряпки явно не знали стирки со времен культурной революции, источая удушливый, вековой запах сырости и плесени. Юй Шаочунь стоял на цыпочках, задрал голову под углом в шестьдесят градусов и обреченно созерцая покрытый паутиной потолок шкафа. Фэн Чжоу, полусогнув ноги и раскинув руки в стороны, упирался ладонями в боковые стенки, стараясь лишний раз не шевелиться, чтобы случайно не снести головой аккуратный подбородок соседа.

Снаружи гремели крики и отборный мат, внутри — разил невыносимый букет из гнили и ржавчины.

Фэн Чжоу всерьез опасался, что испустит дух прямо здесь.

Внезапно крики снаружи оборвались, словно кто-то нажал кнопку беззвучного режима на пульте телевизора.

Юй Шаочунь удивленно приподнял бровь и прошептал одними губами:

— Что за затишье? С чего это они вдруг притихли?

Ответ прилетел незамедлительно. Снаружи раздался громоподобный, зычный голос дедушки-охранника:

— Это еще что за сборище?! Вы чё тут устроили, шпана малолетняя? Покрасились-то как, тьфу! Шевелюры будто в чан с краской окунули — издалека посмотришь, чистый светофор!

Хулиганы попытались что-то дерзко буркнуть в ответ, но это лишь подлило масла в огонь. Старик взревел еще громче:

— Чё вякнул?! Я неправ, что ли? Вырядились как черти, ни стыда ни совести, и еще права тут качаете на школьной территории!

Охранник, видимо, для пущей убедительности чем-то с размаху огрел дверцу инвентарного шкафа. Громкий металлический лязг заставил затаившихся внутри парней вздрогнуть. Они едва сдержались, чтобы не вывалиться наружу и не сдаться вместе с преследователями.

Впрочем, эти грозные на вид «бандиты» на деле оказались обычными сопляками. Вся их банда держалась исключительно на карманных деньгах богатенького сына Хань Шуня, а единственным их боевым крещением до этого была разборка в интернет-кафе «Черная молния» — там они прикрывали того же Хань Шуня, когда его поймали на читерстве. Напугать беззащитного школьника своей попугайской раскраской они еще могли, но перед суровым взрослым мгновенно сдулись и пустились наутек, сверкая пятками.

Разумеется, напоследок они не удержались от дежурных угроз в пустоту. Выкрики в духе «Я тебе это припомню!» и «Ты у меня еще попляшешь!» сыпались один за другим — исключительно ради того, чтобы позорное бегство выглядело как тактическое отступление.

Эти заезженные пластинки повторялись так часто, что давно утратили всякий вес. И хотя подобные понты в уличных драках со стороны всегда кажутся дешевым пафосом, уйти без финального пассажа пацанская гордость им просто не позволяла.

Дедушка-охранник тонкостей уличного этикета не знал и всерьез решил, что шпана планирует контратаку. Он яростно потряс увесистой резиновой дубинкой и закричал им вслед:

— Ах вы твари малолетние! Только суньтесь обратно! Школа вам — храм науки, а не притон для потасовок! Смелые, значит? Идите к отделению полиции подеритесь, слабо, суки?!

Постепенно пыл старика угас. Бормоча под нос ругательства, он зашагал дальше по темному коридору. Двое беглецов в шкафу одновременно шумно выдохнули.

— Вылезает? — Юй Шаочунь чувствовал, что у него сейчас отвалится шея, но из вежливости решил уточнить планы напарника.

Вместо ответа Фэн Чжоу бессильно уронил голову ему на плечо.

Юй Шаочунь замер, вытянувшись в струнку:

— Эй... ты чего творишь?

Тот лишь что-то невнятно пробурчал ему в шею, даже не думая отстраняться.

— Ты что, совсем доходяга, первый в параллели? — хмыкнул Юй Шаочунь. — Как ты вообще физкультурный зачет на километр сдавать собираешься?

— А я его никогда и не сдавал, — глухо отозвался Фэн Чжоу.

«Кто бы сомневался»

Юй Шаочунь впервые видел своего вечного соперника в столь беспомощном состоянии. Зрелище было редким и, надо признать, чертовски тешило самолюбие. Торопить Фэн Чжоу он не стал и покровительственно, точно любящий отец, потрепал его по макушке:

— Да ладно тебе, не дрейфь. Папочка тоже нечасто этот норматив сдавал, так что мы в одной лодке. В этом семестре поднажмем вместе и попробуем выбежать хотя бы из четырех минут сорока секунд.

Фэн Чжоу промолчал. Спустя минуту он тихо, с явным трудом произнес:

— Кажется... у меня кровь носом пошла. Есть салфетка?

— Бля, ты это серьезно сейчас?! — Юй Шаочунь в ужасе отпрянул и бесцеремонно оттолкнул его голову от своего плеча. — Только попробуй мне куртку испачкать! Сам потом зубами отстирывать будешь!

Спустя пару минут Фэн Чжоу, засунув в ноздрию плотно скрученную бумажную турунду, вяло

плелся следом, то и дело наваливаясь на Юй Шаочуня всем телом. Тот брезгливо уперся указательным пальцем ему в бок, отодвигая на дистанцию. Фэн Чжоу послушно выровнял траекторию, но уже через пару шагов снова прижался к плечу друга.

Юй Шаочунь закатил глаза:

— Тебе что, обязательно на мне виснуть, чтобы ноги передвигать?

Фэн Чжоу смерил его тусклым, измученным взглядом:

— Сил нет. Вообще.

— Ты после каждой пробежки превращаешься в живой труп? — искренне посочувствовал Юй Шаочунь. — Сходил бы к врачу, честное слово. Это явно какая-то патология.

Фэн Чжоу стиснул зубы и упрямо попытался сделать шаг самостоятельно, без посторонней помощи. Хватило его ровно на два шага — колени предательски подогнулись, и он едва не рухнул прямо на асфальт. Юй Шаочунь едва успел подхватить его под мышки:

— Да ладно, хорош придуриваться! Не настолько же всё плохо?

— Голова кружится, — с абсолютно каменным лицом пробормотал Фэн Чжоу. — Я не переношу кровь. И бег тоже.

«Про боязнь крови слышали все, но вот аллергия на бег — это что-то новенькое»

— Слушай, может, перекантуешься сегодня у меня в общежитии? — поразмыслив, великодушно предложил Юй Шаочунь. — А то с такими темпами ты до дома только к утру доползешь. Или прямо на обочине растаешь.

<http://bllate.org/book/19050/1934142>